

ОТКУДА И КУДА

ГРАЖДАНИН АБСТРАКЦИЯ. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

©2015

Е.Ю. Воробьева

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувший в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом...

А.С. Пушкин

**Воробьева
Елена
Юрьевна** —

кандидат философ-
ских наук. В журна-
ле “Человек” публи-
куется впервые.
E-mail: velena-05
@mail.ru

Возникновение глобального информационного пространства, открытие доступа к мировым информационным ресурсам стало катализатором многих цивилизационных процессов. Сети коммуникаций объединили граждан различных государств, представителей разнородных культур и мировоззрений. Как тут не впасть в эйфорию! “Информационное общество, как мы его представляем, позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления. Для этого мы должны сделать так, чтобы ИТ служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления международного мира и стабильности” — провозглашает Окинавская Хартия Глобального информационного общества [9].

Но философия не была бы философией, если бы без критического анализа принимала явление за сущность. Да и без профессионального философского взгляда разве мы не чувствуем, что мир глобальной интеграции настолько же консолидирован, насколько и зыбок?

Осмысление ценностей и идеологических позиций информационной цивилизации ставит нас перед еще Гегелем сформулированной проблемой отчуждения. На всех стадиях движения мирового духа проявляется его инобытие — опредмечива-

ние, овнешнение, самополагание в форме объекта. Дух “отчуждает себя, а затем из этого отчуждения возвращается в себя, тем самым только теперь проявляется в своей действительности и истине, составляя также достояние сознания” [3, с. 12]. Здесь можно остановиться и заметить, что гегелевская фокусировка на опредмечивании идеи в природе и ее дальнейшем возврате к Абсолюту была надиктована приближением индустриального общества, к чему гений масштаба Гегеля не мог остаться глухим, как бы он ни подчеркивал, что философия его подытоживает эпоху.

Постиндустриальный же этап декларирует освобождение от диалектической триады немецкого классика, возвещает снятие оппозиции “природа — дух”. Отсюда вопрос: либо мы, наконец, явились первыми поколениями людей, которым дана выкупленная общим прогрессивным ходом истории и *для нас как индивидуумов* бесплатная свобода, — либо, пользуясь беспрецедентно броской свободой, мы все же вынуждены неявно расплачиваться за нее отчуждением в его новых формах, скрывающихся за независимостью от власти вещей, традиций, систем.

Концепция открытого и реальность информационного общества

Постиндустриализм рождается и порождает атмосферу ревизии классических форм: наука, искусство, язык — все, что принято относить к культуре, — испытывается на прочность инновациями. Переосмысливаются и философские проекты прошлого. Ярким примером ревизионизма выступает концепция открытого общества, основы которой были заложены в первой половине XX века А. Бергсоном и артикулированы К. Поппером.

Философ намеренно заострил противоположность открытого общества, базирующегося на справедливости индивидуализма, отживающему традиционному, которое несет на себе крест тоталитарности коллективизма. Несопоставимость их идеологий в том, что они с диаметрально противоположных позиций решают важнейшую, на взгляд Поппера, “проблему адекватной оценки значимости одного человека относительно других людей” [7, с. 319]. Свойственное закрытому обществу наделение истории смыслом, стремление к идеалу, находящемуся вне нас, чревато тоталитаризмом, приносящим интересы личности на алтарь общественных нужд. “Однако такая мораль, конечно, не может быть моралью тех, кто отдает предпочтение справедливости и равноправию” [там же], поэтому открытое общество отвергает иерархичность социального устройства, претензию силы на установление справедливости, приветствует конкуренцию и позволяет выстраивать личные отношения нового рода, в которых большую роль играют духовные связи.

Фундаментальное различие между типами обществ проходит по линии органичности. Если закрытое общество подобно живому организму, то открытое стремится стать “абстрактным”. Полуорганическое единство членов социума, объединенных такими связями, как родство, общая жизнь, участие в совместных делах, должно уйти в прошлое, а в новом все задачи будут решаться индивидуумами самостоятельно, знаменуя избавление от коллективности. Таким образом, закрытое общество выступает как магическое, племенное или коллективистское, открытое — как среда, в которой индивидуумы вынуждены принимать личные решения.

Основные тезисы попперовской концепции поддерживает Ф.А. Хайек [8]. Он убежден, что лишь общество, основанное на частной собственности и ставящее во главу угла свободу личности, соответствует нашим желаниям и целям. Не менее четко высказывался И. Берлин. Для него Истинная свобода — это то, что постоянно изобретается людьми, это перманентный выбор, свободный от давления исторического. Существует много отдельных историй, ни одна из которых не главенствует в обществе.

По утверждению неолиберальных мыслителей, уходящая индустриальная фаза цивилизации базировалась на структурах, в которых присутствовали политические и интеллектуальные элиты, определяющие для всех остальных вектор развития; на ясной исторической картине, основанной на опыте прошлого; на естественных связях между людьми; на жестких мерах по обеспечению порядка и примате государства. С этим тоталитарным прошлым нам предлагают расстаться.

Трудно утверждать, что информационная цивилизация сформировалась во исполнение теории открытого общества, но очевидно, что эта теория служит ее философским базисом и ей “повезло” больше, чем “Утопии” Т. Мора. Благодаря новым коммуникационным каналам представитель “креативного класса” свободно включается в общепланетарный поток информации, создает связи с другими индивидами, основанные отнюдь не на биологической или физической общности, и реализуется в информационном пространстве именно так, как сам считает нужным. В виртуальном мире субъект свободно абстрагируется от естественных связей, исторических параллелей, давления государственной машины. Но в этом добровольном объединении мобильных самореализующихся индивидов возникают серьезные коммуникативные проблемы, основанные, прежде всего, на *самоидентификации*.

Парадоксы самоидентификации

Каким образом происходит идентификация и самоидентификация индивида в традиционном, “закрытом” обществе? При рождении все мы получаем своеобразный социальный

код — имя. Оно указывает на наш пол, национальность, культурную принадлежность и принадлежность к эпохе... порой, даже на интеллектуальные качества родителей. Имя как бы впредсоставляет нас в мир, полный скрытых связей, привязывает невидимыми нитями к этносу, роду, семье. Это дает опору на нечто большее, чем временное и преходящее “Я”, — на органическую укорененность в той части человечества, которая принадлежит тебе по праву рождения, на часть его истории. Сакральный смысл имени как символа не только индивида, но его семьи и рода, отражается в культурных матрицах обществ: по логике симпатических отношений символ привязан к предмету и манипуляции с символом непременно должны отражаться на реальном носителе. Меняя имя, человек переносит свой социальный маркер из изначальной, но по каким-либо причинам не устраивающей его общественной группы в ту, связь с которой будет взаимной и более выраженной.

Отказ от имени всегда связан с пограничными ситуациями и знаменует выход из них. Отчуждение эмпирически данного индивида от означающего его символа как бы извлекает индивида из угрожающих существованию обстоятельств и вбрасывает в пространство безграничной свободы. Достаточно вспомнить хрестоматийную историю противостояния Одиссея и Полифема. Современному человеку покажется необычным, что процедура их знакомства (обмен именами) состоялась лишь “под занавес” эпизода, ибо этикет предполагает представление друг другу на первых же этапах контакта, дабы сразу же определить социальные позиции коммуникантов. Но Полифему социальная позиция потенциального жаркого с самого начала не была важна. Принятое Одиссеем “отсутствие имени” показалось бы странным, только если бы он и на самом деле был для людоеда “кем-то”, интересным вне котла, и хитроумный ахеец это прекрасно понимал. Как понимал и то, что спастись нужно любой ценой, даже если это войдет в противоречие с интересами богов. Он гордо нес свое имя в боях под стенами Илиона, прославляя свой род, но в пещере Полифема твердо отказался от любого человеческого имени, оберегая свой род: оборвал все связи с социумом и обрел свободу, ускользнув, в том числе, от мести олимпийцев. Этот эпизод полностью подчинен логике симпатических связей, которыми было пронизано мировоззрение человека эпохи архаики.

Второй пример показывает доминирование символического аспекта даже в исторический период побеждающего рационализма. Позволю себе привести здесь полностью известный анекдот времен Великой Французской революции:

“Председатель Трибунала предлагает подсудимому обычный вопрос о его имени и фамилии, и между ними происходит следующий разговор:

- Моя фамилия де Сен-Сир, — отвечает подсудимый.
- Нет более дворянства, — возражает председатель.

— В таком случае, значит, я Сен-Сир.
— Прошло время суеверия и святошества — нет более святых.
— Так я просто — Сир.
— Королевство со всеми его титулами пало навсегда, — опять следует ответ.

Тогда в голову подсудимого приходит блестящая мысль:
— В таком случае, — восклицает он, — у меня вовсе нет фамилии и я не подлежу закону. Я не что иное, как отвлеченность — абстракция; вы не подыщите закона, карающего отвлеченную идею. Вы должны меня оправдать!”

Комичнее всего, что Трибунал, по-видимому, озадаченный подобной аргументацией, действительно признал подсудимого невиновным и вынес следующий приговор: “Гражданину Абстракции предлагается на будущее время избрать себе республиканское имя, если он не желает навлекать на себя дальнейших подозрений!”¹.

Таким образом, гражданин Абстракция, даже в рамках рационального мировоззрения, обретает свободу и сберегает жизнь, отказавшись от социального маркера — имени. Но видится ли он истинным представителем открытого общества, спасшимся от лап тоталитаризма? Нет, скорее, это революционная реальность исторгла из себя столь явный анахронизм закрытого общества, на останках которого отмечала кровавый праздник Свободы, Равенства и Братства. Отказ от имени в данном случае произошел принудительно, его целью стало спасение человека, а не отрезка его истории: история уже гнила под натиском нового, придающего свой, доселе неведомый, смысл действиям свободных рациональных индивидов, творящих ее *in praesenti*. Превращение де Сен-Сира в гражданина Абстракцию знаменовало разрыв со старыми образцами мироустройства и отторжение органических связей с уходящей эпохой. В строящемся мире он стал недобровольным Никто.

Идентичность меж двух пространств

Всеобщая паспортизация населения, создание архивов и различных баз данных в сферах, подконтрольных государству, нацелены на то, чтобы максимально контролировать бытие человека в социально-политической форме. Отказ от имени в структурированном обществе чреват выпадением из него, освобождением не только от обязанностей, но и от прав, полагающихся гражданину. Имя — наиболее традиционный и привычный из всех используемых символических конструкций — это прочный поводок, за который государство держит личность, не позволяя ей ускользнуть от системы. Тем не менее постиндустриальная эпоха внесла свои коррективы в прочность сцепления символа с носителем, а постмодерная культура максимально ослабила связь означающего с означае-

¹ Цит. по: [6].

мым в том виртуальном мире, где зарождающаяся информационная цивилизация формирует свои собственные социальные институты.

Глобальные компьютерные сети предоставляют новые возможности как для доступа к накопленным культурами данным, так и для самореализации и самовыражения. Можно выделить две основные функции мировой “паутины”: *культурную* и *социальную*. Чтобы определить первую, необходимо заострить внимание на предложении услуг по открытому и облегченному доступу к мировым информационным ресурсам. Вхождение пользователя в резервуар общечеловеческих данных “обо всем” формально перекликается с известной формулой П.С. Гуревича “Культура — это резервуар всечеловеческого” [4, с. 187], хотя по смыслу, безусловно, более подходит определение А. Радклиффа-Брауна “Язык, верования, эстетические вкусы, знания, профессиональное мастерство и всякого рода обычай”². Не всегда в процессе ознакомления с собранными сведениями реципиент получает прививку культуры, но уже сама возможность доступа к ним может быть обозначена как реализация *культурной* функции: доступ к резервуару информации о всечеловеческом.

Кроме потребности в информации, существует еще одна важная потребность — потребность в коммуникации. Еще Аристотель заметил, что человек — существо политическое (социальное), семья, селенья и само государство возникли из его потребности в общении: “...один только человек из всех живых существ одарен речью... Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению” [1, с. 379]. Как афинская агора давала возможность вести бурную общественную жизнь гражданам полиса, так и интернет-форумы и социальные сети предоставляют открытый доступ к обмену мнениями по самым разным, даже незначительным, вопросам. Мы характеризуем предоставление такой услуги как реализацию *социальной* функции: создание площадки для общения людей независимо от языка, гражданства, мировоззрения.

Индивид вступает в виртуальный мир в виде потока данных и, если хочет стать полноправным представителем информационной цивилизации, должен самоидентифицироваться и обозначить себя.

Наша идентификация в мире информации происходит по IP-адресу — уникальному сетевому адресу узла в компьютерной сети. Это одна из немногих констант, которыми оперирует виртуальная вселенная, все остальное осуществляется под знаменем релятивизма и скептицизма. Пользователем IP-адреса может быть кто угодно, и как угодно он может позиционировать себя в информационной среде. Для реализации *культурной функции* такая личностная неопределенность не столь уж и важна: какая разница, кто снабжает тебя полезной информацией: убежденный сединами старец или игривая девчушка, мать

² Цит. по: [4, с. 7].

ОТКУДА И КУДА

семейства или шовинистический мачо! Совсем иная ситуация возникает при осуществлении *функции социальной*.

Еще пару десятилетий назад виртуальный мир сетей обжился не такими уж и многочисленными знатоками компьютерных технологий. Они объединялись по профессиональному признаку, хобби или интересам, чувствовали себя избранными, создавали закрытый мир элиты. Доминировала культурная функция, формировалась специфическая этика общения — отличная от привычной, но неоспоримая в своем существовании. С распространением технологий и массовостью их использования все более востребованной становилась функция социальная, и виртуальное пространство, расширив свои границы, невольно калькировало все плюсы и минусы неформальной социальной коммуникации. Пользователь IP-адреса — это всегда человек, и, как в любом реальном обществе, он может быть искренним, доброжелательным, желчным, лживым... Он может быть манипулятором и психопатом. Единственное “но” — виртуальная коммуникация свободна от наработанных веками человеческой истории норм морали и права. Обязанность их соблюдения лежит на человеке, сидящем по другую сторону компьютерного монитора. Нет в информационном пространстве ангела с карающим мечом, ввергающего душу в ад, нет угрозы мести роду и возможности навлечь позор на седую голову родителей, нет полицейского с резиновой дубинкой, сажающего хулигана в “обезьянник”. Свобода самореализации теоретически охраняется тем, что “означающее” — никнейм (кличка, прозвище) максимально удалено от “означаемого” — человека. В этом пространстве “имя” встроено в отчужденную от реальности сеть, оно не несет указаний на этнос, конфессию, род, семью, пол. Все важные для обыденной жизни идентификаторы в виртуальности подвижны и относительны, а индивид реализует себя по заветам К. Поппера — так, как хочет сам.

Рядовой пользователь интернета, будучи и в реальной жизни законопослушным человеком, старательно сообщает всему виртуальному миру свои настоящие данные, облик, место работы и жительства и даже “ключ от квартиры, где деньги лежат” в виде номера банковской карточки, забывая, что тяжелая рука государственного насилия и принуждения не защитит его честь, достоинство и кошелек в свободном от навязанных структур пространстве. Социальные сети “Фейсбука” и “ВКонтакте” познакомят глобальное информационное пространство с косящими глазами, лысоватой макушкой, субтильным сложением пользователя, с его котами, собаками, старенькой мамой и не менее старыми обоями... Расскажут преподавателям, почему студент N именно сегодня спит на их лекциях, объяснят неутешному супругу причину охлаждения отношений с дражайшей половиной. Люди эмулируют полноценную жизнь в виртуальности и невольно переносят ее свое-

образе и на восприятие мира реального: вместо того, чтобы спешить на помощь упавшему, сограждане лихорадочно делают сэлфи на его фоне, чтобы выложить их на страничке в социальной сети. Результатом смещения виртуального и реального пространств становится обеднение и схематичность взаимоотношений реальных людей и расширение поверхностных контактов виртуальных “Я” в информационном поле. Количество коммуникативных связей подменяет качество и выхолащивает смысл личностного общения.

От гражданина Абстракции к гражданину Симулякру

В обществе обывателей виртуальности, свободных от всего, кроме лайков, вольготно “волкам” и “шакалам” сетевых джунглей. Те, кто прекрасно понимают условность информационного пространства знакомы с его неписанным законом “Это интернет, детка!”; он состоит из следующих статей:

1. Непроизносимость истинного имени, реархаизация его сакральности. Для решения этой задачи применяются “плавающие” IP, не позволяющие определить адрес пользователя, “зеркала” и прочие технические ухищрения.

2. Использование “скользящего” означающего, симулякризация субъектов виртуальной коммуникации. Для исполнения этой статьи закона применяются боты, клоны и коллективные аккаунты.

3. Реализация результатов коммуникации. Это может быть как удовлетворение психологических потребностей, так и финансовая выгода, переведенная в материальный мир.

О виртуальной реальности исследователи говорят как о ризоматическом киберпространстве симулякров, где наступает смерть и децентрация субъекта [5]. Субъект коммуникации явлен нам в виде фрагмента компьютерного кода, максимально оторванного от реального оператора. Это настоящий гражданин Абстракция, принявший “нужное республиканское имя” и идентифицируемый лишь по нему. В виртуальности симулякр-никнейм заменяет реального человека настолько, что последнего может просто не быть. Это наглядно демонстрируют так называемые *чат-боты* — специальные программы, имитирующие действия человека и пользующиеся теми же каналами, что и обычный оператор аккаунта. Выполняя культурную функцию, чат-бот может снабжать информацией о погоде, курсах биржевых котировок, результатах спортивных соревнований. Но чат-боты могут исполнять и социальную функцию и являются серьезной силой в информационных атаках и мошеннических проектах: они способны рассылать спам, поставлять заведомо ложную информацию, распространять вирусы и пр. Неопытный пользователь не в силах быстро опознать алгоритм коммуникативных связей, созданный программистами

для такого робота, и начинает с ним общаться, как с живым человеком.

Еще одна максимально симулякривизированная форма социализации в сетях — *коллективный аккаунт*. Он распространен на коммерческих сайтах или на сайтах с ограничениями регистрации: несколько человек объединяются под одним никнеймом для удешевления или облегчения доступа к информации. Но социальная функция информационной цивилизации внесла коррективы и в эту форму самоидентификации. Разыгравшиеся в виртуальном пространстве информационные войны породили дальнейшее развитие идеологии коллективного аккаунта — так называемые “бригады”. Для бригад характерно создание и обслуживание одного или нескольких логинов несколькими людьми по очереди. При этом характер, психологические особенности и личность операторов совершенно не важны: все они должны ни на шаг не отступать от “легенды” созданного персонажа. Таким образом создаются “жители” виртуального мира со своими именами, биографиями, привязками к реальным географическим объектам, но без реального воплощения. Примером работы “бригад” можно назвать многочисленных “крымчанок, дочерей офицеров”, утверждающих, что “не все так однозначно”, как об этом принято говорить по официальным информационным каналам. Но зачастую “бригады” работают проще, осуществляя “максимальный перепост” нужной заказчику новости или организуя “набег троллей” на интернет-страницу (фактическое вирт-жилище) неугодного пользователя.

Указанные формы самоидентификации относятся, скорее, к профессиональной деятельности людей на просторах интернета. С точки зрения реализации социальной функции намного интереснее такое явление, как клонирование. *Клоны* — это два и более логина, принадлежащие одному пользователю, через которые он самовыражается на общей для них площадке. Именно клонирование наиболее близко к настоящей социализации в интернет-пространстве, ибо раскрывает разные грани личности — даже те, которые в реальности предпочитают скрывать под давлением моральных или правовых норм. Для клонирователя пребывание в виртуальности имеет психологическую ценность, он не отделяет свою личность от персонажа, носящего никнейм. Такой пользователь обычно бережет репутацию основного аккаунта, выступающего визитной карточкой настоящего имени, а клонов использует для демонстрации экспериментальных моделей поведения и мировосприятия. Достаточно часто именно клонов клонирователь превращает в “троллей” и бросает в горнило сражений, разгорающихся на интернет-форумах.

О феномене интернет-троллей написано много, ибо нет человека, активно общающегося в сети, который, в той или иной мере, не стал бы объектом троллинга. Как гласит Википедия,

троллинг — это нагнетание участником общения гнева, конфликта путем скрытого или явного принижения, оскорбления другого участника с нарушением правил сайта и этики сетевого взаимодействия. Используется как персонифицированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации. Троллингом занимаются либо для развлечения и саморекламы, либо для приобретения выгоды в финансовых или манипуляционных проектах, но и та и другая мотивация не приветствуется в группах со сложившимися правилами коммуникации. Привязка клона к оригиналу должна быть максимально непрозрачной, чтобы сохранить репутацию последнего, поэтому качественно исполненный клон обладает всеми чертами полноценной личности. Качественно “отыгрывать” клонов небезопасно для самоидентичности реального человека, ибо, воплощаясь в виртуальности не свойственным себе образом, он невольно форсирует те грани характера и перенимает те модели поведения, которые не одобряются в социуме. Вместе с тем при аккуратном использовании клон-носитель неодобряемых обществом характеристик может помочь владельцу решить некоторые психологические проблемы, служа ему своеобразным психотерапевтическим тренажером.

Таким образом, свобода в интернет-сообществе не подразумевает полного и окончательного отчуждения от мира вещей: спрятавшись за масками эрзац-имен, человек приносит в виртуальное пространство свои реальные психологические или бытовые проблемы. И тогда именно в виртуальности он может сбросить тиски социальных ограничений и продемонстрировать свой истинный облик представителя нового абстрактного общества.

* * *

Причиной усложнения пространства информационной цивилизации становится ее все большая населенность и коммерциализация. Те самые свобода и индивидуализм, за которыми пришел в сеть поклонник открытого общества, соорудили ему не самые приятные гримасы. Все больше голосов призывают навести порядок и здесь. Что же способно придать аморфной массе пользователей подобие порядка? Структуры, эмулирующие деятельность государства, аппарата насилия и принуждения, — то самое от чего бежал в виртуальность гражданин Абстракция. Строгая модерация сайтов, расширяющаяся ответственность администрации ресурсов за контент, сокращают число и размер островков безбрежной свободы в интернете.

В последние годы замечен встречный процесс размывания традиционных этических и правовых норм у доноров информационного пространства. Министр внутренних дел одного не-виртуального государства как истинный представитель абст-

ОТКУДА И КУДА

рактного общества командует войсками по Фейсбуку; Государственный департамент другой известной всем страны основывает политические заявления, за которые оппонент должен нести неиллюзорную ответственность, на данных соцсетей... картинка на мониторе заменяет вид из окна. В реальной жизни деспотия проекта К. Поппера начинает *насаждать* идеи личностной свободы, равенства, рациональности и полной замены воли коллективов спонтанным историческим творчеством индивидуумов: “Хотя история не имеет цели, мы можем *навязать ей свои цели*, и хотя история не имеет смысла, мы можем *придать ей смысл*” [7, с. 320].

Эти процессы характерны для любой становящейся цивилизации на этапе расширения и социализации ее пространства. Отнимет ли вновь революционная активность индивидов семью, род, нацию, нашу часть истории? Может быть, любой из нас — осиротевший “гражданин Абстракция”?

В одном из проектов будущего, изложенном Е. Замятиным в романе “Мы”, от прошлого окончательно избавились путем отмены имен и фамилий. Научно-техническое общество внедрило цифровую идентификацию граждан, лишив их в социальном аспекте остатков человеческого. “Винтики” и “механизмы” подобных проектов не так уж сильно отличаются от “кусков кода” и “потока байт”, в кои воплощаются представители цивилизации информационной. Индивидуализм, антиисторизм, заиклинность на самореализации дегуманизируют свободного представителя формирующегося абстрактного общества. Таким образом, последним рубежом обороны органического, полубиологического объединения людей становится эмпирически данный и физически воплощенный Иванов Иван Иванович, homo sapiens.

Литература:

1. *Аристотель* Политика // Аристотель. Соч. в 4-х тт. М., 1984. Т. IV.
2. *Берлин И.* Философия свободы. Европа. М., 2001.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.
4. *Гуревич П.С.* Философия культуры. М., 1995.
5. *Емелин В.А.* Виртуальная реальность и симулякры. М., 1999 // URL: <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (дата обращения: 28.10.2014)
6. *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. СПб., 1906.
7. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: В 2-х т. М.: Феникс, Международный фонд “Культурная инициатива”, 1992. Т. II.
8. *Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. М.: Издательство “Начала-фонд”, 2000.
9. URL: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html> (дата обращения: 30.01.2015).